

Моя жизнь въ коммунистическомъ раю

баронессы М. Д. Врангель

Мои мѣста впускамъ

Я не внесу въ мой разсказъ ни политики, ни исторіи, я лишь хочу искренно и правдиво, шагъ за шагомъ, передать, черезъ что я прошла и что мною очевидно пережито въ дни большевиковъ.

Проживъ въ Петроградѣ съ 1918 г. до конца 1920 г., я несмотря на всѣ ужасы жизни и особо щекотливое личное мое положеніе уцѣлѣла какимъ-то чудомъ. Жила я подъ своей фамиліей, перемѣнить нельзя было, такъ какъ очень многіе меня знали. Но по трудовой книжкѣ, замѣнявшей паспортъ, я значилась: дѣвица Врангель, конторщица. А служила я въ Музеѣ Города, въ Анничковскомъ Дворцѣ, 2 года, состояла однимъ изъ хранителей его — мѣсто «отвѣтственнаго работника», какъ говорятъ въ Совдепѣ. Ежедневно, какъ требовалось (такъ какъ за пропускные дни не выдавалось хлѣба по трудовымъ карточкамъ), я расписывалась своимъ крупнымъ почеркомъ въ служебной книгѣ. Въ дни подхода Юденича къ Петрограду, Троцкій и Зиновьевъ устроили въ Анничковскомъ Дворцѣ военный лагерь, разставивъ пулеметы со стороны Фонтанки; военная власть шныряла во Дворцѣ повсюду, а служебная книга съ фамиліями, раскрытая, какъ всегда, лежала на виду въ швейцарской. Былъ у меня и обыскъ-налетъ, а въ дни появленія на горизонтѣ Главнокомандующаго Русской Арміей генерала Врангеля (моего старшаго сына) всѣ стѣны домовъ Петрограда пестрѣли воззвапіями:

Смерть псу фонъ-Врангелю, нѣмецкому барону!

Смерть лакею и наймиту Анташты Врангелю!

Смерть врагу Рабоче-Крестьянской Республики Врангелю!

Позже, въ другомъ мѣстѣ моего жительства, я была прописана, какъ вдова Веронелли, художница. Письма я писала подъ третьимъ именемъ. И вотъ, какъ ни непонятно, я выскочила благополучно, тогда какъ другія несчастныя матери, жены, сестры, дочери военныхъ бѣлогвардейцевъ, были заточены въ вшивые казематы и томилась тамъ по мѣсяцамъ: старуха М. П. Родзянко, семья Звягинцевыхъ, баронесса Варвара Ивановна Иксуль, Хрулевы, наши племянницы, княгиня Т. Г. Куракина, бар. Е. А. Корфъ, баронесса Тизенгаузенъ, графиня Беннгсенъ, М. В. Винбергъ, мать совѣмъ юнаго конногвардейца Талтыкова, да всѣхъ по перечтень.

Начну рассказъ о моихъ переживанияхъ по порядку. Должна прежде всего оговориться, всѣ ужасы моей жизни — ничего исключительнаго изъ себя не представляли, такъ же жили $\frac{3}{4}$ изъ породы буржуевъ, развѣ что были помоложе и не столь одиноки.

* *
*

Въ началѣ 1918 года мужъ, убѣдившись, что въ Петроградѣ жизнь становится все тяжелѣе, началъ продавать все наше имущество: картины, фарфоръ, мебель, ковры, серебро. Деньги постепенно помѣщали, какъ и прежде, въ Банкъ. Грознаго еще ничто не предвѣщало, было только запрещено переводить капиталы за границу. Затѣмъ запретили выдачу по текущимъ счетамъ, банки націонализировали, изъ сейфовъ обобрали золото и брилліанты, и мы, какъ и всѣ, остались ни съ чѣмъ. Мужъ рѣшилъ переѣхать въ Ревель, куда перевелъ и Спиртоочистительное О-во, Предсѣдателемъ коего онъ состоялъ. Я въ Ревель ѣхать не захотѣла, дѣти (сынъ и невѣстка), усиленно просили меня пріѣхать къ нимъ въ Крымъ, гдѣ въ то время, уволенный въ отставку, жилъ сынъ со своей семьей. Я давно ихъ не видала и ухватилась за это, тѣмъ болѣе, что въ Ревелѣ въ то время были нѣмцы, и во мнѣ кипѣло патріотическое возмущеніе противъ нихъ. Выбирать тогда, куда ѣхать, я могла. Я рѣшила устроить въ Петроградѣ для насъ съ мужемъ маленькій *ried à terre* на случай нашего пріѣзда, въ Крымъ же рассчитывала поѣхать на время, — тогда еще дѣлались такіе фантастическіе, какъ кажется теперь, невѣроятные планы. Проводивъ мужа, увѣренная, что расстаюсь съ нимъ на короткое время, я переѣхала въ уютную солнечную квартирку къ моей старой пріятельницѣ. Было просто, но красиво убрано, повсюду развѣсила портреты сына въ военныхъ доспѣхахъ и моихъ милыхъ внучатъ. Мнѣ даже нравилась эта упрощенность жизни; я поняла, какъ, вѣроятно, и многіе, сколько въ сущности лишняго, подчасъ совсѣмъ ненужнаго отягощало насъ. Мы были — рабы своего имущества.

Вскорѣ я получила отъ мужа 4 письма изъ Ревеля; путешествіе его было съ большими приключеніями, мои письма до него не дошли. Рѣшила не терять времени, хлопотать о требовавшихся безчисленныхъ документахъ на выѣздъ. Писала и телеграфировала сыну, такъ какъ онъ ранѣе просилъ, когда рѣшу выѣхать, дать ему знать, дабы онъ могъ у Скоропадскаго устроить мнѣ проѣздъ на Украину, но сколько ни писала — всѣ письма, повидимому, до него не доходили. Бумаги нужныя я, однако, всѣ получила, дѣло было только за паспортомъ, его мнѣ выдать отказали. Вскорѣ закрыли границы, и я осталась въ плѣну. Сразу мнѣ удалось найти очень хорошую женщину — прислугой. Я рѣшила поступить на какую-нибудь «чистую» службу. Сперва я работала пештатной служащей въ Музеѣ Александра III., но вскорѣ устроилась на лучшее мѣсто въ Музей Города, въ Анничковскомъ Дворцѣ. Учрежденіе это по духу было особое. Ни начальство, ни служащіе политикой не занимались, страстно любили свое дѣло, и работали не за страхъ, а за совѣсть. Сперва я состояла эмиссаромъ съ жалованьемъ 950 руб. въ мѣсяць, затѣмъ меня превратили въ научнаго сотрудника. Я получала сперва 4 тыс., позже 6 тыс., и, наконецъ, какъ хранителю Музея, мнѣ было назначено 18 тыс. въ мѣсяць, да бѣда-то въ томъ, что «пайка» пресловутаго въ нашемъ учрежденіи не полагалось. Жизнь безумно дорожала не по днямъ, а по часамъ. Вскорѣ я получила изъ Финляндіи

отъ мужа письмо. Онъ бѣжалъ изъ Ревеля, какъ и другіе, въ ожиданіи прихода туда большевиковъ. Писалъ, что былъ серьезно боленъ, поправляется понемногу, и заканчивалъ: «будь наготовѣ, за тобой пріѣдетъ человекъ, довѣрься ему». Письмо дошло до меня какимъ то таинственнымъ способомъ, я немедленно распродала все почти оптомъ, такъ какъ второпяхъ, то по сравнительно грошевой цѣнѣ; даже продала шубу и одежду, такъ какъ мужъ писалъ, что надо ѣхать безъ всякаго багажа, но ни о мужѣ, ни о какомъ человекѣ я болѣе никогда ни слова не слыхала. Умеръ ли онъ? Живъ ли? Не знала, что и думать. Проѣдая, помаленечку, вдвоемъ съ прислугой, деньги, вырученныя за продажу вещей, жутко дѣлалось, а что же дальше? Цѣны все лѣзли и лѣзли — 1 фунтъ отвратительнаго казеннаго хлѣба на рынкѣ продавался въ то время за 400—500 руб. (теперь говорятъ уже 4.000 руб.), говядина 1.700 руб., яйцо одно 400 руб., масло 12 тыс., сахаръ 10 тыс., соль 350 руб., крупа-пшено 180 руб. фунтъ, коробка спичекъ 80 руб., керосинъ 1 ф.—800 руб., свѣчка 500 руб., сапоги 150 тыс. руб., галоши 20 тыс. руб., чулки пара 6 тыс. руб., иголка — и та стоила 100 руб., катушка нитокъ 500 руб., мыло для стирки 5 тыс., и т. д. и т. д. Старушка хозяйка моя сбѣжала въ окрестности, рассчитывая, что тамъ подешевле, но вскорѣ умерла отъ истощенія. Прислуга моя то и дѣло падала безъ чувствъ отъ утомленія, стоя въ хвостахъ, полуголодная, за совѣтскимъ хлѣбомъ и селедками. Я видѣла, что она чахнетъ, и какъ ни грустно было съ ней разстаться, нашла ей хлѣбное мѣсто. И вотъ начались мои мытарства. Въ 7 часовъ утра бѣжала въ чайную за кипяткомъ. Напившись ржаного кофе безъ сахара, конечно, и безъ молока, съ кусочкомъ ужаснаго чернаго хлѣба, мчалась на службу, въ стужу и непогоду, въ рваныхъ башмакахъ, безъ чулокъ, ноги обматывала тряпкой: вскорѣ мнѣ посчастливилось купить у моей сослуживицы «историческія галоши» покойнаго ея отца, известнаго архитектора графа Сюзора, благо, сапоги у меня тоже были мужскіе, — я промѣняла ихъ какъ то за клочокъ сѣраго солдатскаго сукна въ 2¹/₂ аршина. Такими гешефтами всѣ тогда занимались, сперва какъ то стыдно было, а потомъ всѣ такъ привыкли, будто только всю жизнь это и дѣлали. Питалась я въ общественной столовой съ рабочими, курьерами, метельщицами, ѣла темную бурду съ нечищенной гнилой картофелю, сухую, какъ камень, воблу или селедку, иногда табачнаго вида чечевицу, или прежуткую пшеничную бурду, хлѣба 1 ф. въ день, ужаснаго изъ опилокъ, высѣвокъ, дуранды и только 15% ржаной муки. Что за сцены потрясающія видѣла я въ этой столовой — до сихъ поръ онѣ стоятъ у меня передъ глазами! Сидя за крашеными черными столами, липкими отъ грязи, всѣ ѣли эту тошнотворную отраву изъ оловянной чашки, оловянными ложками. Съ улицы прибѣгали въ лохмотьяхъ синія отъ холода, еще болѣе голодныя женщины и дѣти. Они облипали нашъ столъ, и, глядя помертвѣлыми, бѣлыми глазами жадно вамъ въ ротъ, шептали: «тетенька, тетенька, оставьте ложечку», и только вы отодвигали тарелку, они, какъ шакалы, набрасывались на нее, вырывая другъ у друга, и вылизывали ее до чиста. Въ 5 часовъ я возвращалась домой, убирала комнаты, топила печь, зимой черезъ два дня, варила на дымящей печуркѣ, выѣдавшей глаза, ежедневно на ужинъ одинъ и тотъ же картофель, — стоилъ въ то время одинъ фунтъ — 6 штукъ 250 руб., ѣла съ солью, а въ дни кутежа съ рѣдькой и лукомъ. Послѣ «ужина» чинила свое тряпье, по субботамъ мыла полъ, въ воскресенье стирала. Это было для меня самое мучительное — полоскать бѣлье съ примороженными больными руками, адова я мука, а не стирать самой было невозможно. Бѣлье брали только

съ нашимъ мыломъ, стоило оно 5 тысячъ фунтъ, да за стирку рубашки 150 руб., простыни 200 р., полотенца 50 руб., и т. д. Такъ какъ дворниковъ въ домахъ болѣе не существовало (большинство изъ нихъ переименовалось предсѣдателями домовыхъ комитетовъ), то приходилось и дрова таскать, и помои выносить самой. А когда была объявлена повинность дежурить у воротъ, то сколько я ни протестовала, доказывая, что по возрасту я отъ повинности избавлена, предсѣдатель увѣрялъ: разъ я служу, стало быть работоспособна, и отъ повинности уклоняться не смѣю. И вотъ съ 10 до 1 часу ночи, я, какъ и другіе жильцы, кто раньше, кто позже, сидѣла на тумбѣ у воротъ, опрашивая всѣхъ входившихъ и выходящихъ изъ дома. Одна изъ дѣвицъ, очень жизнерадостная, на всякое дежурство облачалась для потѣхи въ оставшееся отъ былого великолѣпія вечернее платье, шикарную еще сохранившуюся шляпу и въ бѣлыя перчатки, увѣряя, что это единственный случай себя показать, такъ какъ, сидя на службѣ въ грязи или дома стирая, такое на себя не надѣнешь, въ театры же и кинематографы ей ходить не по карману. Должна отмѣтить, что несмотря на всѣ глумленія надъ буржуями и истязанія, какъ ни странно, за все время моего пребыванія въ Петроградѣ желанія буржуевъ отомстить угнетателямъ я не видѣла, подчасъ ихъ «повинности» принимались, конечно, тѣми, кого жизнь еще не повалила, даже съ юморомъ; они же оставались неприязненны и жестоки къ намъ, хотя «кровушки» то и у насъ ими было попито не мало.

Такъ какъ я боялась ночевать одна въ квартирѣ, — кругомъ меня нѣсколько квартиръ было очищено, и хотя обирать у меня уже было нечего, но могли перепугать, — я сговорила съ однимъ заводскимъ рабочимъ, бывший шофферъ Гурко, онъ взялся ночевать въ моей квартирѣ, колоть дрова и выносить помои за 1500 руб. въ мѣсяцъ безъ кормежки.

Предсѣдательдоваго комитета, надо думать, блюдя порядокъ, то и дѣло захаживалъ къ жильцамъ. Явившись какъ то ко мнѣ, увидѣлъ портреты сына въ военныхъ доспѣхахъ, приказалъ немедленно всѣ ихъ убрать, предупреждая, что если зайдетъ и увидитъ и въ слѣдующій разъ «генераловъ», безъ разговоровъ отправитъ меня съ портретами въ Чека. Я немедленно переслала ихъ на храненіе къ знакомому присяжному повѣренному.

Дни шли, положеніе мое становилось все болѣе и болѣе критическимъ, придирки и наблюденія Доваго Комитета, изнурительная физическая работа, недоѣданіе, отсутствіе всякихъ извѣстій о мужѣ и сынѣ — измучили меня, я таяла съ каждымъ днемъ. Скоро, не имѣя больше вещей, чтобы продавать и пополнять мой бюджетъ, я должна была отказаться отъ услугъ и моего рабочаго, — платить было печѣмъ. Я опять осталась одна и только ужасно боялась, какъ бы не слечь и не очутиться въ больницѣ, гдѣ больные замерзали, гдѣ не было ни медикаментовъ, ни мѣста, валялись въ повалку на полу. Хирурги отказывались дѣлать операціи, такъ какъ отъ стужи — они не могли держать инструмента въ рукахъ. А пародъ меръ и меръ, какъ мухи. 30 тыс. гробовъ въ мѣсяцъ не хватало, брали на прокатъ. Мой сослуживецъ и старинный знакомый, баронъ А. И. Притвицъ отъ истощенія ослѣпъ, вскорѣ умеръ; онъ былъ владѣлецъ богатѣйшаго маіората въ Ямбургскомъ уѣздѣ. Похоронили его въ общей казенной могилѣ. Такъ какъ гроба жена не могла купить, то на кладбище она повезла его въ большей корзинѣ, благо онъ былъ очепь небольшого роста, обернутаго въ простыню, поставила на розвальни, сама приткнулась около. Но про себя должна сказать, Богъ меня хранилъ. Я потеряла, правда, два пуда вѣсу, была желта какъ воскъ, отъ вѣчно мокрыхъ, никогда не просыхающихъ

погъ (галоши мои знаменитыя послужили только мѣсяць). Миѣ свело пальцы на ногахъ, руки отъ стирки и стужи приморожены, отъ дыма печурки, недоѣданія и усиленной непрерывной письменной работы сильно ослабли глаза, но я за два года ни разу больна не была. Постичь не могу, какъ въ 60 лѣтъ можетъ такъ ко всему приспособиться человѣческій организмъ.

Но буду продолжать по порядку. Однажды, когда я исполняла одну изъ тяжелыхъ очередныхъ моихъ работъ, зашла ко миѣ моя пріятельница, извѣстная общественная дѣятельница, очень душевный человѣкъ, пришла въ ужасъ отъ условій моей жизни. Предложила переѣхать къ ней; у нея была большая — ея эмигрировавшихъ друзей — квартира и прислуга. Я была безумно счастлива. Наконецъ не быть одинокой! На новосельѣ я блаженствовала 10 дней. Пошли аресты, особыя гоненія на партію кадетовъ. Моя пріятельница состояла председательницей Комитета Кадетовъ въ одномъ изъ районовъ, ее убѣдили скрыться, прислуга меня немедленно бросила, поступила въ богатый еврейскій домъ, и опять я осталась одна, въ большой квартирѣ — я да еще черный котъ, немолчно мяукавшій съ голоду, да и я сама была не лучше его. Зачастую я вставала ночью проглотить хоть стаканъ воды, или погрызть сырой морковки, чтобы заглушить щемящій голодъ. Тысячъ назначеннаго миѣ жалованья я не видѣла три мѣсяца за отсутствіемъ въ Государствѣ денежныхъ знаковъ. Я уже разгуливала въ сапогахъ съ отставшею подошвою, привязанною веревкою, но это ничуть меня не смущало, такъ какъ такихъ франтихъ, какъ я, было много. Тоскливо было отсутствіе освѣщенія въ темные зимніе вечера, зачастую электричества частнымъ лицамъ совсѣмъ не давали, обыкновенно оно горѣло съ 10 до 12, когда всѣ мы полумертвые отъ усталости валились спать. Впрочемъ, были ночи, когда электричество блистало во всю, — это въ тѣ зловѣщія ночи, когда производились обыски и аресты. Всѣ это знали, всѣ трепетали измученные и издерганные въ ожиданіи пріятнаго визита. Но въ дни мрака было тоже жутко. Не имѣя ни керосина, ни свѣчей, въ моей конурѣ, выходившей на черный дворъ, совсѣмъ одинокая, съ обуревавшими меня печальными думами о близкихъ, оторванныхъ судьбою отъ меня, я коротала мои вечера, изрѣдка зажигая драгоценныя спички, чтобы посмотреть который часъ. И вотъ въ одну изъ освѣщенныхъ электричествомъ ночей въ 3 часа раздались на черной лѣстницѣ оглушительные звонки, нетерпѣливые удары въ дверь и крики. Вскочивъ съ кровати — я догадалась — обыскъ! Такъ какъ у меня въ комнатѣ температура была на нуль, я спала одѣтая, да еще прикрытая разнымъ тряпьемъ. Около меня всегда лежали мои драгоценности, письма и фотографіи сына, перевязанные. Въ одну минуту я схватила ихъ, бросилась въ уборную и съ сокрушеннымъ сердцемъ утопила. Направилась къ дверямъ, а удары становились все свирѣнѣе и свирѣпѣе, того и гляди двери снесутъ. Открыла дверь, за ней 5 дѣтний «краса и гордость революціи», двое съ ружьями, тутъ же и председатель Домоваго Комитета — «салонный танцоръ», какъ онъ называлъ себя, а также и управляющій домомъ, — бывшій старшій дворникъ, — все по закону, все честь честью. Потребовали у меня документъ, онъ былъ у меня тоже наготовѣ, пародъ мы стали всѣ вынколенный; убѣдившись, что я нахожусь на совѣтской службѣ, да еще «отвѣтственная работница», направились въ комнаты, шарили вездѣ, все перевернули, читали письма, рвали, отбирали бумаги. Пайдя хорошій сафьяновый портфель, хотя и пустой, — забрали. Послѣ многое изъ хорошихъ хозяйскихъ вещей, оказалось, «экспроприировали» (это новомодное у насъ слово). Взяли телефонный списокъ съ фамиліями, курили, острили и только въ 5 утра

закончили всѣ операціи. Съ меня сняли опросъ — «гдѣ хозяйка, когда вернется?» — Сказала, что переѣхала я всего 10 дней, наняла комнату, хозяйки почти не знаю, а поѣхала она, какъ сказала, въ Новгородскую губернію за провизіей. Управляющій прибавилъ: «ей 60 лѣтъ, глуха какъ стѣна и не работоспособна». «Знаемъ мы этихъ глухихъ да нѣмыхъ, работать паразиты эдакіе не хотятъ, а народъ мутить ихъ дѣло. Счастье ея, что намъ подъ руки не попалась, а мы пріѣхали ее прокатить въ Петропавловку. Да мы не прощаемся, а до свиданія», — утѣшили они меня. Черезъ два часа послѣ этого пріятнаго ночного отдыха я уже бѣжала за кипяткомъ въ чайную, а оттуда на работу, на службу до пяти вечера.

Для душевнаго моего успокоенія до меня то и дѣло доходили вѣсти о смерти кого либо изъ оставшихся въ Петроградѣ друзей и знакомыхъ. Умерли отъ истощенія и голода моя невѣстка бар. Ш. Врангель, племянница М. Вогакъ, родственница еще одна, М. Н. Аничкова, умерла отъ сыпного тифа, А. П. Арапова, дочь Натальи Николаевны Пушкиной, по второму браку Ланской, обратилась въ вѣшалку, обтянутую кожей. Умерла въ нищетѣ княгиня Е. А. Голицына, бывшая начальница Ксеніинскаго Института. Ради существованія, пока не слегла, несмотря на свои 68 лѣтъ, во всякую погоду торговала на улицѣ бубликами; сестра ея, Е. А. Депревицкая, — также скоро послѣ нея умерла. Эм. Ал. Эллисъ, бывшая фрейлина, дочь коменданта Петропавловской крѣпости былыхъ временъ, умерла отъ изнуренія. Разстрѣляны въ то время были наши племянники бар. М. и Г. Врангель, при потрясающей обстановкѣ, А. И. Араповъ, — это только мои друзья, — общее же число жертвъ было безчисленно. А сколько сидѣло по тюрьмамъ. Порою, казалось, вернулись времена Іоанна Грознаго, людей изводили и въ одиночку, и скопомъ, со всевозможными муками и терзаніями.

Однако, я все время отвлекаюсь, но воспоминанія такъ еще болѣзненно живы и напряжены, такъ напираютъ, кажется, что еще не достаточно наглядно обрисовала «коммунистическій рай», и все новымъ и новымъ примѣромъ, новымъ штрихомъ хочется дорисовать эту картину.

Но возвращаюсь къ моему повѣствованію. Вскорѣ хозяйка дома дала мнѣ знать, къ большому моему огорченію, что ей вернуться на квартиру не прійдется. Немедленно меня уплотнили. Со мной теперь жили еврейка, два еврея, счетчица Народнаго Банка — бывшая горничная у одной моей хорошей знакомой; жила еще, хотя ворчливая, но хорошая старушка, бывшая няня, но она вскорѣ переехала въ деревню, а на ея мѣсто поселился рядомъ со мною ужаснѣйшій красноармеецъ. Горничная въ былое время получала отъ меня на чай, именовала меня «Ваше Сіятельство», теперь была такъ важна, что и приступа къ ней не было. Однажды, попросивъ оказать мнѣ незначительную услугу, я положила передъ нею 100 рублей, для меня въ то время это былъ дѣлый кушъ, она швырнула ихъ: «Ну да, буду я съ вами валандаться. А дрянъ то эту уберите, что я на нее купить могу, вѣдь это даже не гривенникъ». Положимъ, она была права, да большаго то дать ей у меня самой не имѣлось. Дѣвица эта съ трудомъ подписывала свою фамилію, но жалованье получала такое же, какъ и я, да въ придачу громаднѣйшій паекъ, и еще подкармливалась изъ деревни, и находила, что «теперь не жизнь, а малина».

Всѣ они размѣстились въ лучшихъ комнатахъ, я же жила въ самой маленькой, которую взяла ради экономіи моего крошечнаго запаса дровъ. Еврей топили у себя дважды въ день, такъ какъ служили въ Лѣскомѣ.

Парадные комнаты были очень хорошо обмеллированы. Мебель была корельской березы и краснаго дерева, зеркала, картины. И во что обратили все это скоро новые обитатели? Ставили въ комнатахъ самовары, дымъ столбомъ стоялъ, сушили бѣлье мокрое на креслахъ и т. д. Красноармеецъ былъ мой ближайшій сосѣдъ. По дому онъ расхаживалъ въ бѣлыхъ подштанникахъ, въ туфляхъ на босу ногу, съ трубкою въ зубахъ, горланилъ на всю квартиру неприличныя пѣсни, безцеремонно на моихъ глазахъ любезничалъ съ горничною, зачастую ночью собиралъ у себя «общество»; что они тамъ дѣлали, не знаю, а только гоготъ, гамъ и пѣсни не давали мнѣ не разъ заснуть до утра. Впрочемъ, все это было только безпокойно, но не страшно, возрастъ мой и видимая нищета спасали меня отъ худшаго. Вся эта компанія жила припѣваючи, ни въ чемъ сравнительно себѣ не отказывала, меня же третировала и за нищету презирала. Зачастую, вдыхая въ себя аромать жарившагося у нихъ гуся или баранины, мнѣ отъ раздражавшаго мой аппетитъ запаха дѣлалось дурно.

Съ марта 1920 года въ жизни моей началось новое осложненіе. Въ газетахъ промелькнула фамилія Главнокомандующаго Вооруженными Силами Юга Россіи генерала Врангеля (какъ я уже сказала выше, моего сына), дальше все чаще и чаще. Всѣ стѣны домовъ оклеивались воззваніями и карриатурами на него. То призывали всѣхъ къ единенію противъ пѣмецкаго пса, лакея и наймита Антанты, — врага Рабоче-Крестьянской Республики Врангеля, то изображали его въ видѣ типа союза русскаго народа. — Облака, скалы, надъ ними посится старикъ съ нависшими бровями, одутловатыми щеками, сизымъ носомъ, одѣтый въ мундиръ съ густыми эполетами, внизу подпись: «Бѣлогвардейскій демонъ» и поэма:

«Печальный Врангель, духъ изгнанья
Виталъ надъ Крымскою землею» и т. д.

Были и поострѣе, но для чистоплотной печати не годятся. Въ ушахъ имя Врангеля жужжало тогда повсюду, на улицѣ, въ трамваяхъ (и развѣ не чудо, что я уцѣлѣла?). Каждую ночь я мѣняла мой почлегъ, находила пріютъ, то у однихъ, то у другихъ. Мои доброжелатели заволновались, кто предлагалъ мнѣ перемѣнить паспортъ, кто переѣхать въ окрестности, одна организація предложила мнѣ изъ какихъ то суммъ Колчака меня ежемѣсячно субсидировать, чтобы я оставила службу; два другихъ большихъ учрежденія въ память второго покойнаго моего сына (историка и критика искусства) также предложили свою помощь. Но въ инвалиды записываться не хотѣлось, да и служба была моя единственная отрада, въ ней я находила забвеніе отъ всѣхъ ужасовъ жизни. Отъ денегъ я съ признательностью отказалась, а воспользовалась предложеніемъ устроить меня въ Общежитіе въ окрестностяхъ Петрограда, подальше отъ властей. «Съ глазъ долой, изъ сердца вонъ», какъ смѣясь говорили мнѣ мои друзья.

Прописали меня тамъ вдова Веронелли, художница. На службу надобно было ѣздить ежедневно чуть свѣтъ. Но, что бы мнѣ ни предстояло, я бы все приняла, лишь бы мнѣ избавиться отъ моихъ городскихъ мучителей, да вѣдь и горничная отлично знала, кто я, и каждую минуту могла меня предать. А развѣ не счастье было избавиться отъ ихъ глумленій и униженій. Помню одинъ изъ такихъ случаевъ. Отъ отсутствія топлива зимой лопнули водопроводныя трубы, мы должны были сами себѣ добывать воду, изъ сосѣдняго дома тащить въ третій этажъ по грязной, примерзшей, скользкой лѣстницѣ. Красноармеецъ принесъ для горничной, еврей для еврейки, мнѣ принести было некому.

Попробовала было вѣжливо попросить одинъ кувшинъ у еврейки. Завизжала, руками замахала: «вода моя, моя». Нечего дѣлать, взяла свое ведро, отправилась по воду. Изнемогая, обливаясь потомъ, несмотря на морозъ, съ трудомъ удерживая невольно струившіяся по щекамъ слезы, я приплелась съ моимъ ведромъ въ кухню, гдѣ сидѣла вся компанія. Увидя мой жалкій видъ, они покатались со смѣха, а дѣвица задорно мнѣ крикнула: «что, бывшая барынька, тяжеленько?» «Ничего, потрудитесь, много на нашей шеѣ то понаѣздили!» Чтобы не доставить имъ еще большую радость увидѣть меня разрыдавшейся, я безмолвно съ моимъ ведромъ пошла къ себѣ, стараясь не слушать несшіяся мнѣ вслѣдъ остроты.

И вотъ теперь мнѣ предстояла радость уйти отъ этихъ звѣрей. Поселившись въ Общежитіи, я сразу почувствовала себя въ раю; положимъ, рай своеобразный: я помѣщалась въ «четвертушкѣ» — это четвертая часть комнаты, какъ въ пьесахъ Горькаго «На днѣ», отдѣленная ситцевыми занавѣсками. Въ каждой четвертушкѣ стояла желѣзная кровать съ соломеннымъ блиномъ вмѣсто тюфяка, шкафъ, столъ, два стула, умывальникъ на ножкахъ и ведро. Двѣ обитательницы на своей сторонѣ имѣли окна, двѣ — двери, мнѣ досталась безъ окна. Двѣ жилицы были милыя образованныя дѣвушки, а моя сосѣдка — голова въ голову — истеричная старая дѣва, учительница. Въ былое время она частенько забѣгала ко мнѣ, ходила передо мной на заднихъ лапкахъ, а теперь если я впотьмахъ уроню ложку, или близко къ ея занавѣскѣ подвину стулъ, кричала на меня, какъ на собаку. «Ишь обнаглѣла, какъ Крымская Ханша, Крымъ то пока не вашъ», и т. д. . . Но, по счастью, тутъ, въ Общежитіи были цѣлые десятки пріятныхъ, образованныхъ, душевныхъ людей, какъ бы тѣни прошлаго, чудомъ уцѣлѣвшія. Все очень извѣстныя фамиліи, но зная, что коммунисты распоясались, то, чтобы не подвести тѣхъ лицъ, отъ наименованій воздержусь. Кромѣ нихъ были сестры милосердія, разные служащіе «по неволѣ», однимъ словомъ, какой то оазисъ въ Дьявольской Совдепской пустынѣ. Но мы жили насторожѣ съ опаской. Ежедневно, чуть свѣтъ, во всякую непогоду я тащилась къ трамваю на службу. Все чаще и чаще трамваи опаздывали, или среди дороги, за отсутствіемъ электрической тяги, останавливались и приходилось шлепать пѣшкомъ. Все чаще и чаще стали поговаривать, что намъ грозитъ быть выброшенными, комиссары уже посѣтили насъ и собираются зданіе реквизировать для дома отдыха рабочимъ. Боже! Неужели еще скитаться. Мы жили, не зная, что ждетъ насъ завтра. По счастью, на меня напало равнодушіе, а не отчаяніе. Буду ли заточена въ тюрьму, или умру съ голода, не все ли равно? Я уже ничего не ждала, плыла по теченію и тупо доживала.

И вдругъ . . . въ концѣ октября 1920 года, однажды, когда я уходила со службы, швейцаръ мнѣ сказалъ: васъ спрашиваютъ. Смотрю, незнакомая дѣвица — финка. Она просила меня выйти съ ней на улицу, такъ какъ должна со мной говорить по очень важному дѣлу. Мы вышли. Она сунула мнѣ ключокъ бумаги, со знакомымъ характернымъ почеркомъ моей самой близкой пріятельницы, жившей со дня революціи въ Финляндіи. Она писала: «Вашъ мужъ живъ. Буду счастлива видѣть васъ у себя, умоляю воспользуйтесь случаемъ, довѣрьтесь подателю записки вполнѣ. О подробностяхъ не беспокойтесь, все устроено». Побѣгъ организовать стоило тогда 1 миллионъ совѣтскихъ денегъ, на финскія марки 10 тысячъ. На мой вопросъ: когда ѣхать? куда? Дѣвица мнѣ сказала — завтра, безъ всякаго багажа, одѣнитесь потеплѣе, поѣдете по

морю часа 3¹/₂—4 на рыбацкѣй парусной лодкѣ. Все устроено, ни о чемъ не заботьтесъ, — дала адресъ, гдѣ встрѣтитсѣя. Я выхода, какъ дальше жить, не видѣла; какъ ни труденъ мнѣ казался путь, — я согласилась. По ночамъ были уже морозы, заливъ покрылся уже саломъ, это оставался послѣдній случай до первопутка.

* * *

Какъ всегда, въ 5 часовъ я направилась въ мое дачное убѣжище, никому не сказала ни слова. Промаявшись почь подь обуревавшими меня мыслями, въ 7 часовъ утра была уже у трамвая, отправилась на службу. Такъ какъ у меня былъ отдѣльный служебный кабинетъ, я незамѣтно собрала всѣ мои работы, положила на видное мѣсто. Чтобы не подвести мое служебное учрежденіе, ни въ чемъ неповинное, въ случаѣ обнаружатъ мой побѣгъ, я на самый видъ положила мое прошеніе: «По случаю сильнаго переутомленія прошу о 2-хъ мѣсячномъ отпускѣ», и съ щемлящимъ сердцемъ, ни съ кѣмъ не просившись, покинула мой милый Аничковскій дворецъ. Такъ какъ трамваи по Невскому не ходятъ, передвиженій другихъ, кромѣ пѣшаго, нѣтъ, мнѣ пришлось плестись пѣшкомъ на Тучкову Набережную, гдѣ мнѣ было назначено свиданіе. Меня угостили жидкой теплой кашницей и ржанымъ кофе съ чернымъ хлѣбомъ. Подкрѣпившись, двинулись съ финкой въ путь; намъ, оказывается, надо направляться на Балтійскій вокзалъ, куда дальше, не говорить. Видать, вышколена хорошо и очень осторожна и предусмотрительна.

День былъ субботній, когда обыкновенно назначается дровяная повинность. Всѣ трамвайные пути заняты платформами съ дровами. Пришлось ждать 2 часа. Народу у трамваевъ скопилось множество, вагоны брали съ боя. Не попавъ въ нѣсколько вагоновъ, мы, наконецъ, вцѣпились въ одинъ, вися почти въ воздухѣ, пока не удалось протиснуться въ вагонъ, гдѣ люди были, какъ сельди въ бочкѣ, но, наконецъ, доѣхали. Финка, меня провожавшая до мѣста отбытія, отвела меня въ сторону, просила съ ней не говорить, ни о чемъ не спрашивать, сообщила, что братъ моей пріятельницы тоже бѣжитъ, но такъ какъ уже разъ за неудачный побѣгъ просидѣлъ нѣсколько мѣсяцевъ въ тюрьмѣ, очень труситъ, а узнавъ, что и я ѣду, хотѣлъ сейчасъ же вернуться, съ трудомъ его уговорили, просилъ меня не подавать вида, что съ нимъ знакома, и предупреждаетъ, если нагрѣнетъ опасность, побѣжитъ, мнѣ же совѣтуетъ бѣжать въ противоположную сторону. Много, дѣйствительно, было неудавшихся побѣговъ, многіе были за нихъ засажены въ тюрьмы, а недавно на границѣ застрѣлена княгиня Голицына, рожденная Бекманъ, дочь бывшаго Финляндскаго Генераль-Губернатора. У меня было жуткое чувство. Смерть отъ разстрѣла и насилія надо мной во имя сына, думалось мнѣ, я приняла бы спокойно, — это былъ бы мученичскій вѣнецъ для меня, какъ и для многихъ жертвъ, но дать большевикамъ законный поводъ меня уничтожить какъ то казалось мнѣ зазорнымъ.

Положилась на волю Божью! —

Подали теплушки; за износомъ вагоновъ, на пригородныхъ дорогахъ передвигаются только въ теплушкахъ. По случаю субботняго дня ѣхало по дачамъ много разнаго народу, много красноармейцевъ направлялось въ Ораниенбаумъ. Если бы они знали, какой заложничскій призъ подлѣ нихъ, думала я. На станціи Мартышкино моя спутница потянула меня за локоть. Пора выходить! Уже смеркалось. Долго мы брели въ разбродъ, мои спутники, видимо, во всякую

критическую минуту, готовы были меня покинуть. Дойдя до спуска къ морю, показалась какая то фигура, направлявшаяся прямо на насъ, сердце защемило, по вотъ финка — моя спутница — спѣшно бросилась къ нему, что то пошептала и велѣла намъ слѣдовать за нимъ. Мы спускались молча къ шоссе, по которому были разбросаны хатки, вдали слышался плескъ моря, которое или погубить насъ, или спасетъ! Къ одной изъ хатъ мы и направились. Насъ встрѣтили хозяева — опъ русскій, она финка. Съ большими предосторожностями они впустили насъ, бросились закрывать ставни, зажгли ночникъ.

На мой вопросъ: «когда же въ путь?» — сказали: «часа черезъ два, когда совсѣмъ стемнѣетъ». Просили насъ громко не говорить, не выходить, такъ какъ патрули красноармейцевъ время отъ времени проходятъ мимо — мы попросили ѣсть. Дали все тотъ же вареный картофель, и ржаной кофе съ чернымъ хлѣбомъ. Мы стали съ нетерпѣніемъ ждать рыбака. Моя спутница что-то была въ ажитаціи, шептались о чемъ то, по фински спорили. Вотъ уже и 11 часовъ вечера. Дѣвица, очень огорченная, сообщаетъ: сегодня ѣхать нельзя, рыбакъ «мертвецки пьянъ». Что дѣлать? Возвращаться обратно? Невозможно, только что отошелъ послѣдній поѣздъ.

Такое напряженіе силъ и нервовъ, неужели даромъ? Вернувшись завтра утромъ въ Петроградъ, дѣлать новую попытку побѣга, опять переживать пережитое, казалось непосильнымъ!.. Но выхода другого не было. Остались ночевать. Я съ дѣвицей улеглись на широкую подозрительнаго вида кровать, братъ пріятельницы тутъ же на полу, хозяева въ кухнѣ; измученные и физически, и нравственно, мы заснули, какъ мертвые... И вдругъ, у дверей послышались тяжелые шаги, голоса возбужденныхъ хозяевъ — мнѣ вспомнился матросскій налетъ, мы вскочили, какъ ошпаренныя; слышно было, тащили что-то, ступени лѣстницъ скрипѣли, видимо направлялись на чердакъ. Оставаться въ невѣдѣніи я больше не могла и бросилась къ дверямъ, дѣвица за мной, а спутникъ нашъ спалъ, какъ убитый. Въ полуоткрытую дверь, мы увидѣли людей, которые тащили ящики и мѣшки на чердакъ. Ночью? Въ чемъ дѣло? Финка на мои вопросы только махала рукой, чтобы я молчала. Наконецъ, проводивъ людей, явились хозяева радостные, возбужденные, и сообщили, что «дѣло сегодня вышло важное: 25 бутылокъ спирту, табаку, много мѣшковъ муки привезли и заработокъ будетъ хорошій, на зарѣ придутъ и покупатели, товаръ уже за проданъ». Насъ просили не шевелиться и не выходить. Ясно — мы находились въ гнѣздѣ контрабандистовъ. Не хватало еще этого! Попасться матери Главнокомандующаго Арміей въ такой компаніи, вотъ бы злорадствовали!

Промаялись остатокъ ночи. Чуть свѣтъ явились покупатели, то же шептаніе, препирательства, тасканіе кулей и ящичковъ. Я потребовала, чтобы мнѣ отвѣтили опредѣленно, ѣду ли я сегодня, иначе я съ первымъ же поѣздомъ вернусь въ Петербургъ. Финка поклялась, что въ сумеркахъ выѣдемъ, что пьяница запертъ и до вечера его не выпустятъ, дабы не напился.

Прошелъ томительный день въ уныніи и молчаніи. Въ щелочку окна видѣли въ теченіе дня нѣсколько прошедшихъ мимо красноармейскихъ патрулей. Сердце екало, что скрывать. Накормили насъ черными макаронами и простоквашей, это ужъ было нѣсколько лучше Совдепскаго пойла. На нашъ вопросъ хозяевамъ, сколько должны? Намъ отвѣтили — 8 тысячъ; такъ какъ эти тысячи были совѣтскій мусоръ, то не споря уплатили.

Но вотъ стемнѣло. Появился нашъ долгожданный рыбакъ, съ двумя товарищами, и хотя пьяны вполнѣ не были, но видимо хозяева наши, изъ своей добычи,

спиртомъ ихъ угостили, они были на веселѣ. Раздумывать было некогда. Перекрестились и пошли. Ночь была морозная, мрачная, беззвѣздная. Подойдя къ морю, все время озираясь, перешептываясь и насъ первирюя, финны вытащили изъ амбара лодку и пустили ее съ берега. Она откатилась далеко. Подойти къ ней по водѣ было немыслимо, рыбаку вода была до пояса; и вотъ не успѣла я опомниться, какъ финъ подхватилъ меня, какъ узелъ, и возложилъ на спину стоявшему въ водѣ, тотъ въ свою очередь, дойдя до лодки, свалилъ меня, какъ мѣшокъ, въ лодку. Наконецъ, готовимся въ путь. Съ финской дѣвицей мы очень сердечно распрощались еще въ хатѣ, я просила ее безъ надобности не рисковать идти съ нами на берегъ. Долго не могли сдвинуть лодку съ мели. Она была маленькая, рыбацья, парусная. Насъ ѣхало пятеро, три рыбака, братъ моей пріятельницы, все время молчавшій, какъ нѣмой, и я. Время казалось вѣчностью, холодокъ пробиралъ. Но вотъ лодка заколыхалась, машинально мы съ спутникомъ моимъ перекрестились, лодка то поднималась, то опускалась. Изрѣдка налетала волна, обдавая насъ ледяной струей. Рыбаки то и дѣло черпали ковшами воду со дна лодки, а вода все наапливалась и накапливалась. Ноги мои были мокрехоньки. Посмотрѣла на ручные часы: ровно 8 вечера. Но вотъ перемѣнился вѣтеръ, финны зашептались, заволновались, стали перемѣнять парусъ. Намъ сказали, что мы должны сидѣть тихо, вѣтеръ не попутный, придется направляться на Толбуховскій маякъ, огибать Кронштадтъ, гдѣ все время море освѣщается рефлекторами. Меня ткнули, иначе я не могу сказать, на дно лодки, прося, пока проѣдемъ, лежать и не двигаться. Теперь ужъ я вся была мокрехонька, меня точно обволакивала ледяная кора. Зубъ на зубъ не попадалъ. Холодъ убилъ во мнѣ всякій страхъ, ни большевики, ни чека ни что меня не страшило — лишь бы чѣмъ нибудь прикрыться. Но ни у кого ничего лишняго изъ одежды не было.

Рефлекторы сносами свѣта освѣщали море: затаивъ дыханіе, финны управляли лодкой... Наконецъ, миновали страшное пугало Кронштадтъ, вокругъ только безбрежное море, небо все также мрачно, ни луна не свѣтитъ, ни звѣздъ не видно. Ноги, кажется, окостенѣли, трясеть, какъ въ лихорадкѣ, часы бѣгутъ, обѣщанные 3¹/₂ часа путешествія давно прошли. Время показываетъ 3-ій часъ ночи, а мы все носимся и носимся по волнамъ. Сильный порывъ вѣтра сорвалъ парусъ, мачта обломалась. Конца нашимъ приключеніямъ нѣтъ. Финны, всѣ трое во весь ростъ, поднялись въ нашей маленькой лодкѣ, первничаютъ, суетятся, изъ весель налаживаютъ мачту, натягиваютъ парусъ, вокругъ волнующееся море, того гляди захлеснетъ лодку, которая наклоняется то направо, то налево. Духъ замираетъ... по ледяная кора, меня обволакивающая, и мучительныя боли моихъ еще ранѣе отмороженныхъ рукъ и ногъ отвлекаютъ мое вниманіе. Вѣдь какъ никакъ 25 Октября, ночь, заморозки, промокли мы до костей — сижу полуживая! Наконецъ, парусъ налаженъ, двинулись, финны увѣряютъ, что скоро берегъ, сколько ни вглядываюсь, береговъ не вижу... Еще новое испытаніе! Повалилъ густѣйшій снѣгъ, бѣлой пеленой закрылъ горизонтъ, ледяныя капли струятся по шеѣ, за спину, вся шляпа мокра, голова стынетъ. Финны съ трудомъ направляютъ лодку. Мотались мы, мотались, взглянула на часы — четвертый часъ ночи!

Уже 8 часовъ нашего странствованія! Снѣгъ меньше и рѣже. Вдали стали вырисовываться, какъ будто, очертанія береговъ. Финны зашевелились, мой, казалось, до сихъ поръ нѣмой спутникъ улыбнулся, окликнулъ меня, радостно закивалъ головой. Дѣйствительно, вотъ и спасительный берегъ. Финны сняли парусъ,

пошли на веслахъ. Я пока радости спасенія не ощущала, душа точно тоже оледенѣла. Финны, опасаясь патрулей, видимо трусили, торопили меня выходить, но я не только идти, встать на ноги силъ не имѣла. Одинъ изъ нихъ подхватилъ меня подъ руки, другой за ноги, потащили и бросили меня на берегъ, какъ утопленницу. На наши вопросы, гдѣ мы? — замахали руками и подхватили свои пустые изъ подъ товара мѣшки, ползкомъ крадучись скрылись за деревьями. Я осталась вдвоемъ съ моимъ спутникомъ. Я продолжала лежать, онъ же совсѣмъ преобразился, оживился, помогъ мнѣ встать, торопилъ меня идти. Но куда?.. Часы показывали 25 минутъ пятого. Свѣтъ чуть брезжилъ... Мы поплелись. Шли по лѣсу, терялись въ догадкахъ, гдѣ мы?..

Отъ ходьбы помаленьку я стала оттаивать и физически, и душевно.

Уже свѣтало, вдругъ ноги запутались въ какую-то проволоку, взглянувшись, мы увидѣли проволочныя загражденія, вблизи разставленныя пушки. Мой спутникъ, знавшій хорошо Финляндію, сказалъ мнѣ: «а знаете, вѣдь мы попали на фортъ Ино, надо идти по направленію Теріокъ въ противоположную сторону». Повернули, шли по лѣсу, изрѣдка попадались заколоченныя на глухо дачи; когда то здѣсь жило много русскихъ дачниковъ, теперь тишина мертвая, ни людей, ни собакъ. Наконецъ, показалась мѣстность болѣе населенная. Постучались въ два дома, раздалась воркотня, но насъ не впустили. Вотъ засвѣтился огонекъ въ одной хатѣ, видимо, хозяева уже начинаютъ свой день. Постучались. Вышелъ очень симпатичный финъ съ женой. Говорить по-русски, мы объяснили, что русскіе бѣженцы, и просили дать обогрѣться. Онъ очень радушно насъ впустилъ, и о Боже! какое счастье! передо мной жарко горящая печь!.. Понемногу моя ледяная кора начала оттаивать, вокругъ меня текли потоки. Такъ какъ мнѣ нечѣмъ было замѣнить мое промокшее тряпье: вѣдь я бѣжала, въ чемъ была, хозяйка сняла мои рваные башмаки съ подвязанною веревкою подошвами, пальто, шляпу, посадила у печки, накинувъ на меня какое-то свое ватное одѣяніе. Боже! Боже! какое блаженство! Мнѣ кажется, я никогда не испытала болѣе пріятнаго ощущенія, точно отъ смерти я возвращалась къ жизни!

Я почувствовала сильный голодъ, но, къ сожалѣнію, въ карманѣ на двоихъ у насъ было только 16 фин. мар. Я стала совѣтоваться съ моимъ спутникомъ, какъ быть, и вотъ онъ, набравшись уже теперь храбрости, сказалъ мнѣ: «знаете что, я сообщу ему, кто вы» (это было еще до крымской катастрофы), навѣрно онъ знаетъ о Вашемъ сынѣ, повѣритъ намъ и насъ накормитъ, а затѣмъ мы дадимъ ему записку къ сестрѣ, и она за насъ все, что слѣдуетъ, ему заплатитъ.

И дѣйствительно — не ошибся. Какъ только онъ объяснилъ фину, тотъ очень заинтересовался, позвалъ старуху мать, дѣтишки обступили насъ. Финъ этотъ, оказалось, рыбакъ, прежде часто бывалъ въ Петроградѣ и сочувственно относится къ русскимъ бѣлымъ, имѣя свѣдѣнія объ ужасахъ Петроградской жизни.

Скоро столъ, покрытый скатертью, намъ устали разными чудесами, которыхъ я не имѣла во рту 2 года: варенныя яйца, сыръ, масло, простокваша, ■ бѣлый хлѣбъ!..

Навѣрно, видъ у насъ былъ очень дикій, съ такимъ вниманіемъ мы все разсматривали.

Подали горячій, дымящійся кофе и съ сахаромъ!.. и съ молокомъ! Ну и наѣлись же мы. Кровь по жиламъ клокотала, стало даже жарко... Одежды просохли, я натянула свое тряпье, — пальто торчало, какъ накрахмаленное, —

и мои ссохшіяся громадныя сапожища, съ подвязанными веревкою подошвами, голову украсила сморщенной, съезжившейся отъ печки шляпою.

Пора двигаться дальше; карантинна нельзя миновать. Финь сказалъ, что дастъ экипажъ и довезетъ насъ до Теріокъ. «А далеко», спросила я. «Да, 20 верстъ», сказалъ онъ. Но что это значило, послѣ всего пережитаго. Подали экипажъ, — телѣгу съ соломой, другого у него не было, но и это пустяки, жизнь закалила. Горячо поблагодаривъ радушныхъ финовъ, влѣзли на телѣгу и помчались, такъ и подскакивая на каждомъ ухабѣ. Три бессонныхъ ночи, мучительная стужа, страхъ быть пойманнымъ и арестованнымъ или очутиться на днѣ морскомъ — все, все было забыто, все осталось позади!

Около 9 утра мы прибыли въ карантинъ. Опросы, формальности. На меня смотрѣли, какъ на бѣлую ворону. Мой спутникъ покатывался со смѣху, глядя на великолѣпіе моего облаченія. По окончаніи всѣхъ формальностей, мы были водворены въ карантинъ на 2 недѣли. И что значить нервный подъемъ, въ 60 лѣтъ, послѣ всего мной продѣланнаго — не схватила даже насморка. Только человѣческая пища, послѣ Совдепскихъ отбросовъ, оказалась во вредъ моему желудку, пока я свыклась. Во время моего пребыванія въ карантинѣ, ввиду появившейся въ мѣстной газетѣ замѣтки объ отважной путешественницѣ, матери генерала Врангеля, спасшейся въ Финляндіи, я получила массу сочувственныхъ писемъ отъ знакомыхъ и незнакомыхъ русскихъ и особенно тронувшій меня адресъ отъ многихъ финскихъ семействъ, выражавшихъ удовольствіе, что я нашла приютъ именно у нихъ въ Финляндіи и массу лестныхъ словъ о сынѣ.

Американская миссія такъ заботливо и внимательно снабжала меня все время, пока я находилась въ карантинѣ всякими явствами, а на первое время и кой какими теплыми вещами.

Такое общее человѣческое отношеніе ко мнѣ и уваженіе, отъ котораго я за 2 года отвыкла, умиляли меня.

Я чувствовала себя, какъ бы въ сказкѣ въ родѣ Царевны-Лягушки, сбросившей свою оболочку и обратившейся въ Царь-Дѣвицу.

Вскорѣ я получила полную свободу.

За мной пріѣхала моя спасительница и увезла къ себѣ, въ прелестную виллу. 3¹/₂ мѣсяца, въ ожиданіи визы и ради отдыха, я прожила у нея, окруженная самой нѣжной заботливостью, и несмотря на всѣ тяжелыя переживанія за сына въ связи съ послѣдовавшей Крымской катастрофой, совсѣмъ пришла въ норму. Въ февралѣ я отправилась въ Дрезденъ къ мужу, гдѣ мы и живемъ бѣженцами, не унывая, а вѣря и надѣясь на возрожденіе и расцвѣтъ нашей несчастной дорогой родины.

* . *

*

На этомъ я еще не кончаю. Не желая прерывать цѣлостъ впечатлѣнія моихъ личныхъ переживаній, я не отвлекалась въ сторону общихъ вопросовъ, теперь же хочу, для полноты картины, вернуться назадъ къ моему повѣствованію и сказать кратко еще объ общемъ состояніи несчастнаго Петрограда въ дни большевиковъ.

Видѣнный видъ его принялъ налетъ слегка буколическій. По Невскому, за исключеніемъ мелькающихъ съ комиссарами автомобилей и изрѣдка грохочущихъ грузовиковъ, другого передвиженія, кромѣ нѣшаго, нѣтъ. Многія улицы и Невскій у Александровскаго театра покрыты лужайками. Воздухъ чище и

прозрачнѣе, чѣмъ прежде, такъ какъ фабрики и заводы бездѣйствуютъ. Большая часть обывателей двигается по дорогѣ, а не по тротуарамъ. У многихъ за плечами котомки съ пайками. Многіе жуютъ тутъ же на улицѣ, только что полученный въ городской лавкѣ по карточкѣ, хлѣбъ. Передъ моимъ отъѣздомъ, осенью голодные обыватели были обрадованы. Въ Петроградъ прибыли громадныя партіи яблокъ. Выдавали по многу и на пайки, и по карточкамъ. Яблоки жевали повсюду и на улицѣ, и въ трамваяхъ, и на службѣ. По этому поводу рассказываютъ, остроумное замѣчаніе одного прибывшаго въ Петроградъ иностранца: «Что же это такое?» — недоумѣваетъ онъ: «русскіе все плачутся, что имъ нехорошо живется, а сами живутъ, какъ въ раю: ходятъ голые и цѣлый день яблоки жуютъ».

То и дѣло лѣтомъ, на улицахъ попадаются дамы, донашивающія бывшія элегантныя платья и шляпы, а ноги за отсутствіемъ сапогъ въ вязаныхъ веревочныхъ туфляхъ съ голыми икрами à l'enfant, за недостаткомъ чулокъ. Зимой, единственный экипажъ, очень распространенный — салазки: на нихъ перевозятъ домашній скарбъ, дорожныя вещи съ вокзаловъ, — извозчиковъ давно нѣтъ; добытый паекъ и купленный у мѣшечниковъ картофель; утомленныя матери везутъ на нихъ своихъ полуголодныхъ ребятъ. Магазины всѣ закрыты и наглухо заколочены, т. к. товары всѣ реквизированы, а предпріятія націонализированы.

Видъ обывателей помимо фантастическаго облаченія обращаетъ на себя вниманіе болѣзненнымъ отпечаткомъ на лицахъ. Физиономіи у всѣхъ одутловатыя, съ мѣшками подъ глазами, съ восковымъ налетомъ. Въ духовномъ смыслѣ положительно опустились, вопросы желудка на первомъ мѣстѣ.

Я была на службѣ среди самаго цвѣта интеллигенціи, и мы замѣчали за собой, о чемъ бы не говорили, обязательно перейдемъ на вопросы продуктовъ, о трудности ихъ добыванія и т. д. Большинство стало раздражительные, издерганые и затравленные. Всѣ поголовно страдаютъ безпамятствомъ.

Масса выдающихся общественныхъ и научныхъ дѣятелей погибли отъ разстрѣловъ и голода. О разстрѣлѣ скопомъ всѣмъ извѣстныхъ видныхъ дѣятелей кадетской партіи, объявленныхъ внѣ закона, повторять не буду, это отошло уже въ исторію. Знаю, что умерли отъ истощенія академики Лаппо-Данилевскій и А. А. Шахматовъ и другіе, цѣлый списокъ именъ. Можно составить обширный мартирологъ погибшихъ во цвѣтѣ лѣтъ силъ и дарованій отъ руки большевиковъ. Профессора и студенчество живутъ, какъ и другія лица интеллигентныхъ профессій, въ такомъ же подозрѣніи, какъ и бывшая аристократія, вѣчно въ ожиданіи ареста и обыска; они, какъ и остальные, стоятъ въ «хвостахъ» у лавокъ за селедками и ужаснымъ хлѣбомъ, несутъ трудовыя повинности. Ради заработка служатъ одновременно въ нѣсколькихъ учрежденіяхъ и, конечно, наука отходитъ на второй планъ. Ни учебниковъ, ни учебныхъ пособій нѣтъ, научныя журналы не издаются, заграничныя не получаютъ, школы значатся болѣе на бумагѣ; въ дѣйствительности же сокращены до минимума, такъ какъ нѣтъ помѣщеній, топлива, учителей, пособій и т. д. Благодаря совмѣстному обученію дѣвочекъ съ мальчиками, при современной педисциплинированности и распушенности — одинъ развратъ. Въ классахъ приказано убрать иконы, запрещено носить кресты. Чтобы «революционизировать» дѣтей, ихъ водятъ въ кинематографы до одурѣнія, гдѣ знакомятъ съ похождениями Распутина, демонстрируютъ пасквили на интимныя картины жизни членовъ царской семьи.

Иногда по улицамъ расклевываютъ громадныя, въ натуральную величину, аляповатыя изображенія Николая Кроваваго, пьянаго, еле держащагося на но-

гахъ, въ мантии. Съ головы валится корона, подъ пятой груди окровавленныхъ рабочихъ и пролетаріевъ.

Организованы группы и клубы «коммунистической молодежи», слышала ихъ рѣчи, что за новое поколѣніе дастъ оно Россіи, думать жутко!

Церкви домовыя, при учебныхъ заведеніяхъ, правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ, а также военныя — закрыты.

Духовенство не освобождается отъ обще-гражданскихъ повинностей. Газеты полны издѣвательствъ и поруганій, самыхъ неприличныхъ, по адресу священнослужителей. Въ Красной Газетѣ былъ даже специальный отдѣлъ: «О папахъ». Тамъ не менѣ замѣчается, несомнѣнно, большой религіозный подъемъ. Крестные ходы, изрѣдка допускаемые, по настоянію части рабочихъ, привлекаютъ сотню тысячъ народа, такихъ грандіозныхъ прежде никогда не бывало. Церкви переполнены молящимися. При церквяхъ образовались братства. Такъ какъ церкви теперь на изживеніи прихожанъ, надо видѣть, съ какою любовью и рвеніемъ, (большинство, конечно, женщины), приводятъ ко дню торжественныхъ праздничныхъ богослуженій церкви въ порядокъ. Моютъ окна, двери, чистятъ образа, украшаютъ бумажными цвѣтами, гирляндами своего производства. Такъ какъ причты теперь ограничены, не только дьяконовъ, но и псаломщиковъ зачастую нѣтъ, служитъ одинъ священникъ, то прихожане наперерывъ предлагаютъ читать псалтырь. Образовали прекрасные хорошо спѣвшіеся хоры. Появился совсѣмъ новый типъ священника, молодые, образованные, подчасъ съ университетскимъ образованіемъ. Особенно выдѣляется теперь отецъ Александръ Введенскій. Онъ пользуется громадной популярностью, за нимъ ходятъ толпы народа. Приѣздъ его для служенія въ какую нибудь церковь производитъ сенсацію. Изъ него уже сдѣлали фетишъ: рассказываютъ даже о цѣломъ рядѣ его чудесъ. Это молодой человекъ 32 лѣтъ, съ университетскимъ образованіемъ, окончилъ два факультета, съ большой эрудиціей, увлекательный ораторъ. Такъ какъ собесѣдованія, устраиваемыя имъ по разнымъ частнымъ учрежденіямъ, собирали такое скопленіе народа, что залы не могли вмѣстить, и вокругъ зданія были большія сборища толпы, рвавшей его послушать, то власти запретили ему собесѣдованія. Онъ перенесъ ихъ въ церковь. Всѣ его рѣчи чужды всякой политики; мнѣ случилось присутствовать на двухъ изъ бесѣдъ. Темы были: «Объ уныніи», а вторая «Что такое счастье?». Я вынесла глубокое впечатлѣніе, громадная эрудиція, глубокая вѣра и искренность. Проповѣди его совсѣмъ своеобразныя. Много тепла, сердечности, дружественности, я бы сказала: подъ впечатлѣніемъ его словъ, — озлобленіе смягчается. Чувствуется его духовная связь съ паствою. Богослуженіе его — экстазъ. Онъ весь горитъ и все время приковываетъ вниманіе, наэлектризовываетъ васъ. Очень теперь распространены общія иновѣдья. Такого молитвеннаго настроенія мнѣ прежде въ церквяхъ никогда не довелось видѣть: люди рыдаютъ и дѣйствительно каются во грѣхахъ, а не исполняютъ это, какъ бывало у многихъ прежде, для проформы.

Популярность и дѣятельность этого священника уже у властей на примѣтѣ. Я знаю нѣсколько прежде равнодушныхъ къ религіи лицъ, которыя, подъ впечатлѣніемъ его служенія и проповѣдей, обратились въ глубоковѣрующихъ. Подобный же ему священникъ, я слышала, есть и на Васильевскомъ Островѣ и въ окрестностяхъ Петрограда. Вишній видъ современныхъ, молодыхъ священниковъ теперь тоже особый: волосы стрижены и на рясахъ носятъ университетскіе значки.

Говорить о финансовомъ и экономическомъ положеніи Совдепіи — не берусь, нужны цифровыя данныя и научное отношеніе, а я отъ этихъ вопросовъ всегда была далека. Слышала со всѣхъ сторонъ, что неопиcуемый хаосъ. Знаю только, что хотя ежедневно, какъ сообщаютъ газеты, печатаются въ Петроградѣ, Москвѣ, Пензѣ и Харьковѣ 7 мил. въ день, мы служащіе мѣсяцами оставались безъ жалованія — за недостаткомъ денежныхъ знаковъ въ Государствѣ. Оклады получали тысячные, я менѣе 3-хъ тысячъ въ мѣсяцъ не знаю, а всѣ бродили голодные и раздѣтые. Такъ какъ право на существованіе, или вѣрнѣе, на прозябаніе въ Петроградѣ имѣетъ только тотъ, кто служитъ, такъ и на трудовой карточкѣ, по которой выдаютъ хлѣбъ и селетки, напечатано: «Кто трудится, тотъ и ѣсть», а потому на службу бросились всѣ, кого только ноги держатъ и кто еще не совсѣмъ впалъ въ идиотизмъ. Насколько это способствуетъ процвѣтанію дѣла, это вопросъ иной, да имъ и мало кто интересуется. У нашихъ владыкъ все на показъ и на фу-фу. Оригинальная внѣшняя сторона въ большинствѣ учреждений, причины которой, я такъ и не постигла. Всѣ объаты *regretium mobile*. Всѣ учреждения то и дѣло переѣзжаютъ изъ улицы въ улицу, изъ зданія въ зданіе, изъ одного этажа въ другой, изъ одной комнаты въ другую, третью.

Улицы переименованы. Невскій — теперь Проспектъ 25-го Октября, Литейный — Улица Володарскаго, Морская — Улица Халтурина, Каменноостровскій — Улица Красныхъ Зорь, есть проспекты Карла Либкнехта и Карла Маркса. Просвѣтительное Учрежденіе Розы Люксембургъ. Царское Село переименовано въ Дѣтское Село — Урицкаго. Павловскъ названъ Слуцкѣ, въ память коммунистки Вѣры Слуцкой. Таврическій Дворецъ, такъ много видѣвшій въ своихъ стѣнахъ, именуется — Дворецъ Урицкаго. Дворецъ В. К. Сергѣя Александровича — называется Дворцомъ Нахамкеса, и много превращеній въ томъ же родѣ. Понаставлено множество памятниковъ великихъ дѣятелей, отцовъ революціи, изъ глины — Лассалю, Карла Либкнехта, Розы Люксембургъ, Володарскаго. Поставили Перовской — пришлось убрать. Изображеніе было въ видѣ, не то громадной летучей мыши, не то сталактита, стояло у Николаевского вокзала; всѣ, проходя, невольно останавливались и вмѣсто почтенія покатывались со смѣха. Меня увѣрили, что въ Москвѣ, не подалеку отъ Кремля, установленъ былъ памятникъ Стенькѣ Разину, уцѣлѣлъ ли, не знаю.

Теперь придворные художники и скульпторы — футуристы. Можно себѣ представить все великолѣпіе ихъ памятниковъ. Придворный поэтъ Рабоче-Крестьянской Республики, на подобіе Державина, воспѣвавшего когда-то Фелицу — Вл. Маяковскій, о талантѣ котораго говорятъ захлебываясь. Одинъ изъ любимыхъ поэтовъ еще Демьянъ—Бѣдный, нѣчто вродѣ раешника. Цѣлая плеяда появилась пролетарскихъ поэтовъ, главари — слесарь Герасимовъ и матросъ Кирилловъ, есть и крестьянскіе поэты: Клюевъ и Есенинъ.

Пантеонъ современный — Марсово Поле, гдѣ хоронятъ великихъ усопшихъ коммунистовъ — нѣчто вродѣ свалочнаго мѣста, ну да это повсюду.

Санитарное состояніе города потрясающее. Дома за отсутствіемъ ремонта, по неимѣнію нужнаго матеріала и рукъ, наканунѣ полного разрушенія. Ни фановыхъ, ни водопроводныхъ трубъ нѣтъ, гвоздей и то достать трудно. Вслѣдствіе недостатка топлива всѣ деревянные дома, барки и окрестные лѣса снесены. Водопроводныя и канализаціонныя трубы полопались. Нечистоты, мусоръ, грязная вода выбрасываются, куда попало, на лѣстницу, во дворъ, черезъ форточку на улицу. Дворники упразднены, какъ буржуазный пережитокъ. Вся эта пре-

лесть накапливается и превращаетъ городъ въ клоаку, несмотря на устройство всевозможныхъ санитарныхъ «дней» и «недѣль» — повинностей для истерзанія буржуевъ. Температура какъ въ частныхъ квартирахъ, такъ и въ большинствѣ учреждений на нулѣ. Всѣ и на службѣ, и дома сидятъ въ шубахъ и шапкахъ. Спятъ не раздѣваясь. Многіе до воскресенія не моются, бѣлья не мѣняютъ по мѣсяцу за отсутствіемъ мыла и, конечно, вшивѣютъ. Вши повсюду: въ вагонахъ, больницахъ, трамваяхъ, школахъ. А вошь, какъ говорятъ, главный проводникъ заразы. Не могу умолчать объ оригинальной спекуляціи этимъ продуктомъ. Красноармейцевъ сильно тянетъ въ деревню, а отпускъ даютъ только какъ отдыхъ послѣ перенесеннаго сыпного тифа, и вотъ солдатики задумали дѣлать себѣ привики тифа посредствомъ вшей. Сейчасъ же нашлись и поставщики. За коробку съ 5-ю вшами съ сыпного больного брали 250 рублей, и дѣло пошло къ общему удовольствію. Смертность въ Петроградѣ ужасающая, эпидеміи возвратнаго, сыпного тифа, испанки, дизентеріи и холеры. Населеніе въ 1917 году было 2.440.000 въ Петроградѣ, въ 1920 году насчитываютъ всего 705.000; конечно, разстрѣлы, эмиграцію тоже надо имѣть въ виду. Состояніе больницъ не поддается описанію, всѣ больницы и эвакуаціонные пункты забиты. Мнѣ говорилъ извѣстный врачъ Николаевскаго Госпиталя: цѣлыя партіи въ десятокъ тысячъ красноармейцевъ, прибывшихъ больными съ фронта, держали въ вагонахъ подъ Петроградомъ за невозможностью приять ихъ въ госпиталь. Врачебный персоналъ самъ повально боленъ. Больные отмораживали себѣ руки и ноги и умирали отъ замерзанія. Въ больницахъ въ палатахъ на 200 больныхъ 1—2 термометра. Медикаментовъ самыхъ необходимыхъ: касторовое масло, сода, не говоря уже о паркотикахъ, — нѣтъ. Въ операціонныхъ комнатахъ морозъ, у операторовъ коченѣютъ руки. Они не могутъ держать инструментовъ въ рукахъ. Ванны не дѣйствуютъ, уборныя — клоака. Въ мертвецкихъ груды скопившихся труповъ, такъ какъ ни гробовъ нѣтъ, ни перевозить не на чемъ. Сидѣлки понятія объ уходѣ за больными не имѣютъ, грубы, обираютъ больныхъ. Сестры милосердія новой формаціи флиртуютъ, а не занимаются дѣломъ.

Путешествіе теперь — мученіе ада. Вагоны забиты людьми, пикакихъ подраздѣленій на классы нѣтъ, хотя комиссары и прочіе важные чины Государства имѣютъ не только особыя отдѣленія, но и цѣлыя вагоны въ своемъ распоряженіи. Двигаются поѣзда черепашимъ шагомъ. Достать питаніе въ дорогѣ немисливо. Износъ вагоновъ страшный. Товарищи забираются даже въ сѣтки для ручного багажа, ѣздятъ на крышахъ вагоновъ, на паровозахъ, на подвѣсныхъ прутьяхъ Пульмановскихъ вагоновъ. Внутри все кишитъ вшами. Такая же картина въ трамваяхъ.

Катастрофы то и дѣло, за недостаткомъ смазочныхъ средствъ вагоны горятъ, люди въ паникѣ выскакиваютъ, выбиваютъ стекла, калѣчатъ другъ друга.

Приѣзжавшіе изъ провинціи увѣряли меня, что въ такомъ же положеніи вся Совдепская страна.

Вотъ тотъ запасъ моихъ впечатлѣній и переживаній въ коммунистическомъ раю, которымъ я хотѣла подѣлиться.